

ОТЗЫВ

на диссертацию Минвалеева Сергея Андреевича «Традиционные обряды жизненного цикла карелов-людиков в свете сравнительно-исторического анализа», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

Актуальность темы диссертации С. А. Минвалеева определяется рядом научных и практических обстоятельств. Во-первых, эта работа обращает к малоизученным аспектам культуры, истории, межкультурных связей той части карельского народа, которая занимает свое особое место на этнической карте северо-запада России, но по существу не рассматривалась с точки зрения ее самобытности. Во-вторых, любое исследование «малых культур» злободневно уже потому, что их специфические конфигурации, не будучи зафиксированы исследователями, быстро уходят в небытие вместе со знающими носителями и рискуют быть исключенными из «культурного наследия человечества». В-третьих, обряды жизненного пути человека, которые находятся в центре рассмотрения автора, в силу их универсальности и динамичности всегда приоритетны в этнографии, в том числе потому, что свадьбы и особенно похороны во всех обществах включены в сферу ближайших интересов людей, семейно-родственных и этнических общностей. Наконец, разработка темы созвучна сегодняшним интересам представителей карелов-людиков, которые в лице общественных активистов стремятся к воссозданию общности, укреплению ее идентичности.

Цель работы как она сформулирована автором представляется двухэтапной: (1) выполнить сравнительно-историческое описание традиционного свадебного и похоронно-поминального ритуалов карелов-людиков (2) с тем, чтобы определить «стадиальные пласты обрядового культурогенеза, отражающие периоды этнической истории этой группы» (с. 18 диссертации). Своей цели исследование достигает.

Вместе с тем просматривается еще одна цель работы. Она не заявлена, но очевидна по описанию объекта исследования. Это попытка определить и утвердить статус карелов-людиков в известной этнографической «таксономии». Объектом исследования является «субэтническая группа карелов-людиков». С.А. Минвалеев утверждает, что «людики обладают всеми чертами субэтничности, отмеченными Ю. В. Бромлеем: чувством собственной языковой обособленности и признанием этой обособленности другими народами; групповым именем *lyydiläižed* и в то же время причислением себя к карелам, а также относительно единой территорией проживания» (с.12).

Анализируя внутреннюю структуру культурной общности людиков, автор справедливо опирается, прежде всего, на ее диалектное членение и основывается на лингвистических исследованиях отечественных и финляндских языковедов. Согласно его позиции, людиковскую субэтническую общность составляют этнодиалектные группы. Это не вызывает возражений тем более, что исследование выявило известное совпадение на людиковской территории обрядовых и диалектных ареалов: севернолудиковского, среднелудиковского и Михайловского (южнолудиковского). Такой вывод представлен в положении 5, вынесенном на защиту.

Вместе с тем в тексте диссертации встречаются и иногда используются в качестве синонимов понятия «этнолингвистические группы», «субэтническая группа», «этнолокальная группа». В частности, в формулировке первой задачи работы указано: «проследить культурно-бытовые связи карелов-людиков с другими карельскими этнолокальными группами» (с.18). В связи с тем, что обсуждение терминологии в

методическом разделе диссертации отсутствует, появляются вопросы. Какие значения имеют эти понятия с точки зрения автора и в контексте конкретного исследования? Какие из них можно считать синонимами, а какие связаны иными отношениями?

Объектом изучения в диссертации является общность «людики», а единицей анализа правомерно служат территориально-поселенческие общности, определяемые в соответствии с современным районированием: Кондопожский и частично Прионежский р-ны Карелии (северные людики), отдельные поселения Олонецкого района Карелии и Ленинградской области (южные людики). Таким образом, этническая идентификация осуществляется по отношению к определенным населенным пунктам – деревням и кустам деревень. Их точный список дан в Приложениях (с.292 –294).

Отмечу логичное построение диссертации и содержательность ее разделов.

Во Введении изложены общие программные положения исследования: цель и задачи, проблема, актуальность, новизна и прочие. Задачи нацелены на детальный компонентный анализ свадебного и погребального обрядов, определение их общих и этнолокальных черт, стадиальных пластов, динамики обрядности в XX–XXI вв. под влиянием социальных факторов, а также на выявление связи людиков с другими этнолокальными карельскими и иноэтническими общностями по материалам обрядов жизненного пути человека.

В той же вводной части достаточно полно очерчены основные аспекты историографии темы, кратко обозначены методология и методика. С.А. Минвалеев использовал интегративный подход, который сочетает объективный историко-этнографический анализ, опирающийся на изучение источников и последовательное применение сравнительно-исторического метода, с конструктивистской концепцией этнических общностей.

Корпус источников весьма представительен, их видовой состав разнообразен. Это публикации фольклора, лингвистические данные (словарь людиковского языка, различные словари прибалтийско-финских и славянских языков), публикации образцов людиковской речи в ее диалектных разновидностях, опубликованные археологические и исторические источники, включая историко-демографические, а также массовые источники: научно-популярные статьи и иллюстративные материалы, размещенные в периодической печати на национальных языках и на интернет-ресурсах. Значительный пласт неопубликованных источников составили архивные и полевые материалы. Использована коллекция архива Финского литературного общества, а также полевые материалы этнографических экспедиций сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (КарНЦ РАН) конца 1940-х – 1970-х и 2010-х годов из Научного архива и Фольклорного архива КарНЦ РАН, в том числе собранные автором диссертации. Один только перечень видов источников, детально проштудированных и в значительной части процитированных С.А. Минвалеевым в работе, может свидетельствовать о достоверности полученных результатов. Таким образом, к достижениям диссертанта следует отнести включение в науку большого массива неопубликованных этнографических данных, в том числе на финском и других родственных ему языках.

Введение содержит информативный очерк этногенеза и истории карелов-людиков, начиная с формирования народности «корела» на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье в XII веке, взаимодействия карельских и вепских племен, включая этап формирования карелов-ливвиков и людиков в XVII веке, процессы миграции и

оседания в поселениях Онежско-Ладожского перешейка, формирование природных и культурных границ между людиковским, ливвиковским и вепским населением.

Две основные главы диссертации посвящены свадебной и погребальной обрядности. Опираясь на авторитетные труды о структуре, традиционных сценариях, семантике отдельных элементов обрядов, автор представил их детализированное описание со всеми выявленными на людиковском материале локально-поселенческими вариантами. По существу это образцовое сравнительно-историческое исследование свадебного и похоронно-поминального ритуалов карелов-людиков конца XIX – начала XX в. Во всех возможных случаях проводится сопоставление с этнографическими данными сопредельных этнокультурных ареалов: ливвиковского, северокарельского, русского (заонежского), вепского, – с тем, чтобы не просто выявить сходства и различия, но интерпретировать те и другие с точки зрения культурных взаимовлияний, их направлений, границ распространения тех или иных обрядовых феноменов, а также стадийальных напластований в обрядах жизненного пути человека. Тщательный анализ привел к аргументированному заключению, что «свадебный и похоронно-поминальный обрядовые циклы людиков сформировались из этнически разнородных по происхождению компонентов»: основного карельского (субстратного, дополненного последующими заимствованиями), русского, который был усилен влиянием православия и стал преобладать, и слабее всего выраженного вепского (с. 36, из положения 3, вынесенного на защиту).

В главе 1 подробно и последовательно рассматривается полный цикл свадебных обрядов. Описание предсвадебного периода сосредоточено на определенных способах и местах общения молодежи брачного возраста, на традиции праздничной гостьбы девушек у родственников, зимних бесёдах и т.д. Особое внимание автор уделил обрядам поднятия «лемби» (привлекательности, преимущественно женской, аналог славянской «славутности»), которые присутствовали в брачных ритуалах многих народов, но, как показало исследование С.А. Минвалеева, могли различаться даже в пределах людиковского ареала. Сделан вывод, что «ритуалы “поднятия лемби” являются примером карельского воздействия через людиков на традиционную культуру вепсов Прионежья и русских Заонежья» (с.50). Сразу отмечу, что такого рода заключения автор делает в отношении всех рассматриваемых элементов свадебной и погребальной обрядности, тем самым на протяжении всей работы поддерживается устойчивый этноисторический фокус исследования.

Специальный подпараграф посвящен сватовству, в нем рассматриваются процедура, сроки сватовства и свадеб, роли и атрибуты основных исполнителей и ряд других аспектов. В следующих подпараграфах так же всесторонне описаны посещение дома жениха и обряды оформления согласия на брак, период от рукобיתья до собственно свадьбы, а далее, в разделах параграфов «Собственно свадьба» и «Послесвадебный период», – обряды выводного стола, венчание, обряды в доме жениха, обряды второго дня и более поздние, среди которых выделяется устройство бани для родителей или только матери жениха – этот ритуальный момент автор диссертации предположительно связывает с влиянием развитой южнокарельской (людиковской) банной традиции на северновепскую и заонежскую (с.138), – а также ритуальная гостьба между породнившимися семьями, которая выполняла не одну функцию, и некоторые другие завершающие свадьбу ритуальные мероприятия.

Благодаря использованию метода картографирования и помещенным в диссертации картам выводы, касающиеся ареалов распространения обрядовых реалий и направлений культурных заимствований, выглядят вполне убедительно. На картах отмечены существенные для культурной идентификации феномены: обрядовая лексика (карта № 3 – «Бытование терминов руководителей свадебной обрядности», карта № 5 – «Распространение терминов, обозначающих невесту и молодую жену»), атрибутика (карта № 4 – Магические предметы колдуна и главного свата), сроки ритуальных действий (карта № 2 – «Время прихода сватов»). Это не исключает того естественного обстоятельства, что некоторые суждения по частным вопросам имеют гипотетический характер или нуждаются в проверке. Например, вряд ли достаточно данных «локальной географии» и сведений о ритуальных препятствиях для свадебного поезда на «выводном столе» (у разных народов) для утверждения о том, что «доброжелательный прием родственников <в доме невесты – И.Р.> в виде различных обрядов является карельским по происхождению» (с.102). Думается, пока недостаточно сравнительного материала, чтобы считать ритуальное расчесывание волос после бани невесты «сугубо карельским» и возможно заимствованным северными русскими от прибалтийско-финского населения (с. 96). Такие частности побуждают к развитию темы в направлении, заданном диссертацией.

К основным научным результатам первой главы относятся типология ритуальных свадебных сценариев в культуре карелов-людигов, установление их обрядового единства и локальных вариантов, выявление этноидентифицирующих признаков людиговской свадебной обрядности наряду с напластованиями в результате культурных контактов.

В Главе 2 аналогичным образом глубоко и детально рассмотрен погребально-поминальный цикл обрядов жизненного пути человека. Справедливо и подтверждено многочисленными кросскультурными исследованиями утверждение о том, что этот обрядовый цикл характеризуется особой устойчивостью и в высокой степени подвержен социальному контролю со стороны старшего поколения (добавим: и ритуальных экспертов, какие бы институты они ни представляли).

Погребально-поминальная обрядность рассматривается в диссертации в соответствии с принятым членением на этапы: смерть и подготовка к погребению (включая подготовку к самой смерти и ее прогнозирование), похороны и поминовения (частный и общественный циклы). Согласно этой логике первый параграф главы включает подразделы, в которых рассматриваются традиционные представления людигов о смерти и загробном существовании, обрядовые действия, связанные с наступлением смерти и подготовкой тела умершего к захоронению, а также обрядовые аспекты содержания покойного в доме. Во втором параграфе описана обрядность дня похорон, а также обустройство людиговских и могил. Третья часть главы посвящена поминальной традиции: индивидуальным и общественным поминовениям.

Наряду с выводом о единстве людиговской погребальной обрядности, которая в большей части соответствует общекарельской традиции, С.А. Минвалеев делает еще ряд перспективных заключений. Например, выявляются ареальные типы тех или иных обрядов в составе единого комплекса. Так, определились «три ареальных типа ритуала сорочин у людигов, в какой-то мере соответствующих их членению на три диалекта» (с.237). Автор выделяет два типа похорон: «традиционный», на всех этапах сопровождавшийся причитаниями, и так называемые «веселые похороны». Последние гипотетически восходят к индоевропейской архаике, но, по всей вероятности, значительно варьируют по смыслам и ситуативным мотивациям участников, как и по степени их

соединения с «траурными» похоронами. Автор диссертации установил, что этот тип похорон наиболее полно выражен у михайловских людиков.

В современной этнографии заметен интерес к изучению модификаций похоронного обряда, прежде всего, в контексте урбанизационных процессов. С.А. Минвалеев имеет дело с традиционными и сугубо сельскими ритуальными практиками, но при этом сделанные им наблюдения в отношении динамики погребально-поминальной людиковской культуры находятся в русле международных исследований о многообразии современных ритуальных форм прощания с умершими. Одна из задач диссертации – показать изменения традиционной обрядности в XX – начала XXI вв. Обращая внимание на такие изменения на разных отрезках обозначенного периода, автор стремится выявить их экономические, идеологические и прочие причины. Учитываются, в частности, социально-демографические факторы динамики ритуальных элементов похорон (например, изменение состава обмывальщиков вслед за изменением демографического состава жителей деревни, с. 164–165), отмечены обрядовые вариации, обусловленные ситуативными обстоятельствами, а также мотивировки нарушения традиционных правил, например, посещения могил в неустановленные сроки (с. 242). Наблюдения и выводы С.А. Минвалеева полностью подтверждаются исследованиями погребально-поминальных обрядов по другим регионам.

В целом, задачи работы, содержательность этнографических данных, подлежавших интерпретации, обусловили связь диссертации с широким кругом сложных и дискуссионных проблем. В такой ситуации понятно, что многие выводы имеют характер гипотез, что неизбежно уже в силу нацеленности на «этногенетический» поиск, и они побуждают к полемике. Так, не совпали точки зрения С.А. Минвалеева и Ю.Ю. Сурхаско в отношении влияния православия на карельскую обрядовую культуру: «Утвердившееся в советском кареловедении мнение, что основная масса карельского народа неохотно обращалась за помощью в церковь для отправления церковных обрядов во время свадеб и похорон, кажется необоснованным и вызванным политической установкой того времени», - пишет С.А. Минвалеев. Не оспаривая ни одно из этих мнений, замечу, что любая позиция исследователя зависит, в первую очередь, от состояния и характера имеющихся источников и от научно-методологического инструментария, а объяснение ее преимущественно «политической установкой» - это, скорее, дань времени.

В диссертации уделено большое внимание православно-церковному влиянию на обрядовые традиции людиков. Во многих случаях доводы автора убедительны, но не во всех. Вызывает некоторое сомнение, что практика сжигать одежду и постельные принадлежности умершего, отмеченная у людиков в первой половине XX в., пришла на смену бросанию в воду соломы, на которой лежал покойник, собственно под влиянием «православного учения» (с. 166). Если церковным правилам, безусловно, подчиняются исполнения таинств исповеди и отпевания, использование ритуальной утвари (икон, лампад, свечей) и ряд других моментов, то обмывание тела умершего или скромное устройство гроба вряд ли были продиктованы «церковным канонам», как утверждает автор диссертации (с. 37). Тем более что канонические правила строги в основном в вопросах исполнения положенных служб, таинств, молитв, – то есть всего того, что имеет отношение исключительно к душе усопшего. В целом же, вопрос о религиозно-церковном влиянии на ту или иную культуру представляется открытым, поскольку в каждом случае важно, о каком отрезке времени и о какой конкретной конфессиональной ситуации на уровне национальной и этнической общностей идет речь.

Дискуссионность отдельных аспектов работы, в свою очередь, свидетельствует о серьезности ее проблематики, глубине и разносторонности подхода С.А. Минвалеева к теме, к анализу объемного и ценного в научном плане этнографического материала.

Новизна диссертации состоит, прежде всего, в том, что это первое в этнографической науке комплексное исследование обрядовой традиции карелов-людиков, которое показало самоценность людиковского варианта карельской культуры и одновременно выявило его многообразные разновекторные связи с соседними этнокультурами. Все основные результаты работы, четко сформулированные в диссертации, получены впервые. В то же время автору было на кого опираться в теоретическом и научно-практическом плане. С.А. Минвалеев достойно продолжает традиции петрозаводской этнографической школы: Р.Ф. Никольской, Ю.Ю. Сурхаско, К.К. Логинова, И.Ю. Винокуровой, других исследователей культуры народов Карелии.

Диссертационное исследование Сергея Андреевича Минвалеева “Традиционные обряды жизненного цикла карелов-людиков в свете сравнительно-исторического анализа”, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.), поскольку содержит решение научной задачи, имеющей значение для развития современной этнографии и этнической истории прибалтийско-финских народов, кросскультурных исследований ритуалов жизненного пути человека, новые этнографические данные, научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, имеет возможности для практического использования: работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, свидетельствует о личном вкладе автора в науку; предложенные решения аргументированы и оценены в сравнении с другими известными решениями; основные результаты опубликованы в 19 научных статьях, в том числе 5 в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Сергей Андреевич Минвалеев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография.

Главный научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона – филиала ФГБУН Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», доктор исторических наук (07.00.07)

Разумова Ирина Алексеевна

16 ноября 2021 г.

184209, Мурманская обл., г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40а

Тел. раб.: +78155579440

Тел. моб.: +79212858995

Email: irinarazumova@yandex.ru

С.А. Минвалеев
Подпись И.А. Разумовой
И.А. Разумова
И.А. Разумова
по адресу 184209 Кольский район
Ирина Алексеевна Разумова